

АРТЕФАКТ & ДЕТЕКТИВ

**Читайте повести
Ольги Басковой в серии
«Артефакт&Детектив»:**

Проклятое ожерелье Марии-Антуанетты

Золотой конь Митридата

Сокровище падишаха

Наследство племени готов

Проклятая сабля крымского хана

Брегет хозяина Одессы

Медальон Таньки-пулеметчицы

Сокровища баронессы фон Шейн

Тиара скифского царя

Бриллианты с царской иконы

Золото «Черного принца»

Диадема Марии Тарновской

Крымская Чаша Грааля

Кольцо королевы Фредегонды

Сокровища Рождественского монастыря

Ольга Баскова

**СОКРОВИЩА
РОЖДЕСТВЕНСКОГО
МОНАСТЫРЯ**

Москва
2024

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Б27

Редактор серии *Е. Ирмеш*
Дизайн обложки *С. Курбатова*

Баскова, Ольга.
Б27 Сокровища Рождественского монастыря : [роман] / Ольга Баскова. — Москва : Эксмо, 2024. — 320 с.

ISBN 978-5-04-191017-4

Старинный Рождественский монастырь хранил множество сокровищ, но после революции он был разграблен. Несколько монахинь скрыли часть ценностей, за что и заплатились своими жизнями... В небольшом приморском городе семью Викторией преследует злой рок. Гадалка предсказала, что все их горести закончатся, когда они избавятся от проклятых сокровищ. Но они не послушались — и сначала Вика заболела неизлечимой болезнью, затем у нее похитили сына, а потом погиб супруг. И все эти несчастья перекинулись и на ее детей...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Баскова О., 2024

© Оформление.

ООО «Издательство «Эксмо»,
2024

ISBN 978-5-04-191017-4

ГЛАВА 1

Русское царство, 1353 г.

Княгиня Мария Ивановна Серпуховская присела на камень, лежавший возле пещеры горы Маковец. Она ждала отца Сергия с каким-то трепетом в душе, ждала как манну небесную, полагая, что он-то поможет и подскажет, как ей жить дальше. И когда он показался, суровый старец в белых одеждах, она с благоговением молитвенно сложила руки.

— Рад видеть тебя, дочь моя. — Старец улыбнулся, и его морщинистое лицо словно озарилось внутренним светом. — Вижу, печаль на твоём челе, и догадываюсь, от чего она.

Мария подалась вперед:

— Ты всегда читал мои мысли как книгу, думаю, и о бедах моих слышал. Одна я осталась, батюшка, умер мой любимый супруг. Хочу уйти от мира в монастырь. Что ты на это скажешь?

Сергий нахмурился:

— Лукавишь, княгиня, не одна ты осталась, а с сыном. Знаю, Владимиром его кличут. В печальный день он на свет появился, на сороковины после смерти князя Андрея. Так что не одна ты, княгинюшка, сынок у тебя есть, крестник мой.

Помнишь, как совсем молодая сюда с мужем приехала, просила меня помолиться, чтобы Господь деток даровал?

Мария смахнула слезу, оставившую след на нежной коже:

— Помню, отец.

— Я так тебе отвечу. — Сергей прищурился и посмотрел куда-то вдаль. — Монастырь — это хорошо, тут о вечности и покаянии подумать можно. Но ответь мне, кто дитя твое родное растить будет? Кто мать ему заменит?

Княгиня потупилась:

— Есть у него тетки и дяди.

— Я вижу, не слышишь меня. — Старец посерьезнел. — Я о матери родной говорю. Никто дитя любить не будет так, как она, никто лучше не воспитает. Это тебе сделать надо, и тогда твой сынок богатырем станет, землю от поганых очистит. Даже прозвище его вижу — Храбрый. Еще вижу, что ты станешь хорошей матерью. Это тоже твое предназначение.

Мария вздохнула:

— Значит, рано еще мне о келье думать.

Старец подошел ближе и положил руку ей на голову.

— А в монастырь еще успеешь прийти, и это будет монастырь, который ты сама и построишь.

Княгиня вздрогнула:

— Я построю монастырь?

— Да, но перед этим совершишь много добрых дел. — Он убрал руку и с любовью посмотрел на молодую женщину. — Это твое предназначение. А теперь ступай. Больше мне добавить нечего.

— Спасибо, отец. — Княгиня встала и пошла к возку, ожидавшему неподалеку от горы.

«Если мне суждено основать монастырь, я сделаю это, — подумала она, — и как можно скорее».

Но быстро сделать это не получилось. Жизнь закрутилась, завертелась, как мельничное колесо. Сначала Марию поглотили заботы о сыне Владимире.

Княгиня смотрела на подраставшего князя, радуясь его успехам, и с горечью думала о так мало — всего двадцать шесть лет — прожившем супруге. Не успел он увидеть отпрыска, не успел полюбоваться будущим богатырем.

Да, Мария считала сына богатырем: уже в восьмилетнем возрасте он начал ходить в военные походы. Она не сомневалась: из него получится настоящий защитник земли Русской — и не ошиблась. Крепко сдружился он со своим двоюродным братом Дмитрием, позже прозванным Донским, почти с ним не разлучался. Вместе с ним они держали осаду Кремля, не дали захватить княжество Московское князю литовскому и русскому Ольгерду Гедиминовичу. Крепко ему тогда досталось, запомнил он братьев и этот урок, да так крепко запомнил, что решил больше с ними не ссориться и предложил в жены Владимиру свою дочь Елену.

Мария приняла невестку, всей душой потянулась к девушке. Очень уж ей хотелось, чтобы прожили они долгую жизнь и умерли в один день, чтобы не заглядывался ее Владимир на других — много красавиц на Руси.

А он и не заглядывался, жили с женой в любви и согласии, деток воспитывали. Елена терпеливо ждала супруга из всех военных походов и молилась за него перед Куликовской битвой. Да и сам Владимир перед сражением по монастырям поездил, со многими старцами поговорил. Все предрекали ему победу, а он и не сомневался: разве можно проиграть сражение на своей земле?

И не ошибся князь: вместе с Дмитрием разбили они полчища Мамаевы, получив прозвища за дела ратные: Владимир Храбрый и Дмитрий Донской.

Мысли Марии часто обращались к Куликовской битве. Очень уж ожесточенной она была, много воинов полегло на поле, не одна жена вдовицей стала, не одна мать осиротела. Шли несчастные со своими горестями и бедами к княгине в ее терем, плакали, жаловались на судьбу. Вот тогда она и вспомнила давний разговор с Сергием Радонежским о монастыре. Тогда он намекнул, что время еще не настало, и оказался прав. Вот когда настало время, в лихую для Руси годину, твердо решила Мария основать монастырь, чтобы шли туда вдовы и матери и молились за своих воинов.

И стала Мария подыскивать место для будущей обители. Много мест посмотрела, много дум передумала — и остановилась на Кучковом поле. Не зря остановилась. Понравился ей высокий холм на берегу реки Неглинной. Мало того что место живописное, с холма такие виды открываются, что дух захватывает, так еще и спокойное. С севера враги никак не смогут напасть, речка мешает. Да и вообще, будет монастырь защищать землю Рус-

скую от набегов молитвами, станут инокини молиться за мир.

Спозаранку поехала княгиня на холм, забралась на вершину и осмотрелась, словно убеждаясь, что лучшего места не найти. По берегу Неглинной шла дорога на север. Другая вела к обители Сергия Радонежского, напоминая, что все в семье княгини были его духовными детьми.

Махнула Мария рукой и проговорила:

— Так тому и быть, здесь стоять обители.

Знала женщина, что дел теперь будет невпроворот. И не потому, что надо будет следить за работой зодчих. Хорошие есть мастера, они в два счета возведут здание. Дело это, конечно, нелегкое и затратное, каменных зданий на Руси немного. Даже ее просторный княжеский терем, украшенный резными карнизами, расписанный внутри и снаружи красками и позолотой, жилище златоверхое и узорчатое, с резными наличниками, был деревянным. А вот обитель она решила возвести каменную. Конечно, не в здании дело, дело в самом духе, который должен пропитать святые стены. В новом монастыре поселятся женщины, ими будет управлять матушка — игуменья. Рассказывали ей, что в Греции, в первом женском монастыре, именно игуменья наставляет послушниц. Подумала Мария и о том, что она создаст первый на Руси женский монастырь, до этого монахини ютились при мужских монастырях. А где это видано, чтобы мужчины и женщины в одной обители жили!

— Монастырь Рождества Пресвятой Богородицы, — окончательно решила княгиня, помня

о Куликовской битве — прихлась она на праздник Рождества Божьей Матери, — и стала медленно спускаться с холма, утвердившись в мысли, что перво-наперво искусные зодчие поставят собор каменный, а потом и кельи. Будут стекаться сюда женщины со всей Руси, богатые и бедные. И будет она преклоняться в молитве вместе с ними, благодаря Господа за то, что вернулся ее сын Владимир израненный, но живой. Не станет эта обитель, по примеру других, крепостью. Защитит страну не суровыми толстыми стенами, а горячей молитвой.

Сказано — сделано. Вскоре закипела работа. Лучшие архитекторы и каменотесы Руси собрались в этом месте. Мария с утра до вечера интересовалась строительством, выходила из терема и осматривала постройки. Да, здесь будет собор, а здесь — монашеские кельи.

Когда наконец все было закончено и на берегу Неглинной вознесся ввысь своим куполом Рождественский монастырь, потекла сюда река несчастных вдов воинов Куликовской битвы. И вознеслась к Богу горячая молитва насельниц.

Мария знала каждую женщину. Были среди них и очень богатые, и совсем бедные, жены и матери незнатных защитников земли Русской, погибших на полях сражений. И велела княгиня поставить монастырские кресты «под луной» — изобразить на крестах собора полумесяцы — в память великой битвы. И послала Мария весточку своему духовному наставнику Сергию Радонежскому, чтобы приехал и почтил новую обитель своим присутствием.

Не отказал святой своей духовной дочери, сразу прибыл, освятил новые, пахнувшие известью стены и вручил игуменье устав монастыря.

— Это ты хорошо придумала, — похвалил он Марию. — Пойдет о сей обители слава по Руси. Вот и исполнила ты свое предназначение — стала хорошей матерью князю Владимиру и основательницей такого храма.

Женщина опустила глаза:

— Теперь думаю и постриг принять. Что скажешь?

Старец положил ей на голову свою морщинистую руку:

— Дело говоришь.

Она схватила его ладонь и поцеловала:

— Спасибо тебе за все.

Ободренная словами духовного отца, Мария постриглась в монахини под именем Марфа. Много добра делала она сестрам, никогда никто не слышал от нее худого слова. И когда в Филиппово говение, на память святого пророка Аввакума, снежным декабрьским днем она преставилась, долго оплакивали ее насельницы и погребли в обители, ею же и созданной и ставшей родным домом.

Долго оплакивала свекровь и Елена Ольгердовна, говорила своему мужу сквозь слезы:

— Поистине святая женщина Мария.

Князь кивал и соглашался, вспоминая, как долго не было у них детей и как мать предложила поехать к духовному отцу, Сергию Радонежскому, и попросить благословение на строительство монастыря в честь Зачатия Богородицы.

Знала княгиня, что основание таких обителей помогает бездетным парам — и не ошиблась. Через десять лет супружества родила Елена первенца Ивана, а потом еще шестерых. На крестины звали Сергия Радонежского, вместе с ним возносили молитвы Богу и Богородице.

— Я тоже приму постриг, если Господу будет угодно, чтобы я тебя пережила, — произнесла вдруг Елена Ольгердовна.

Ничего не ответил ей Владимир. Он и понимал, и не понимал жену. По законам после смерти князя его супруга становилась главой рода, «матерой вдовой», имевшей право занимать место в обществе, соответствовавшее своему положению: участвовать в государственных делах вместе с боярами. Но знал князь, что общественная сторона жизни его супругу почти не интересовала, гораздо больше пеклась она о духовной стороне и потому помогала обители, созданной ее свекровью.

— Женщины тоже способны на великие подвиги, — изрек Владимир Храбрый и с уважением посмотрел на жену.

Она потупилась, опустила глаза. Хотела сказать, что не нужно бросаться громкими словами, но промолчала, вспомнив Марию.

А когда Бог призвал к себе ее любимого супруга и всех семерых сыновей — нет страшнее горя для матери, — приняла постриг с именем Евпраксия, чтобы поселиться в обители, такой дорогой для их семьи, а почувствовав приближение смерти, продиктовала завещание, завещав монастырю четыре села и мельницу в устье Яузы. И тихо упокои-

лась рядом с любимой свекровью, чтобы молиться с ней в жизни вечной так, как они молились в жизни земной.

ГЛАВА 2

Приморск, наши дни

Вика отодвинула стакан со своим любимым томатным соком и с отвращением посмотрела на круассан. Есть не хотелось, мутило при одной мысли о пище. Она подумала, что зря приняла приглашение подружки Лили и отправилась с ней в кондитерскую, лучше бы вернулась домой после работы и провела время с детьми: они всегда помогали ей справиться с мрачными мыслями, которые сейчас налетали на нее, как хищные птицы, и рвали крепкими клювами ее измученную душу.

Высокая, худая, очкастая Лиля, которую в детстве дразнили Паганелем, бросила на Вику понимающий взгляд и произнесла:

— Знаю, ты коришь меня за то, что затащила тебя в эту проклятую кондитерскую. Но пойми правильно, я не могу видеть тебя такой. И притом твоя любовь к сладкому вряд ли куда-то улетучилась. В школе ты слыла сладкоежкой, думаю, и мединститут тебя не изменил.

Вика вздохнула:

— Сейчас моя жизнь разделилась на «до» и «после».

Подруга нахмурилась:

— Не понимаю.

— Ты же знаешь, что у меня есть причина для беспокойства.

Лиля взяла ее руку в свои теплые ладошки:

— Дорогая, никакого «до» и «после» нет, еще ничего не известно. Ну почему ты поставила себе самый страшный диагноз?

— Потому что я врач. — Вика взяла в руки салфетку и принялась разглядывать узоры. — Решительно все признаки опухоли, поверь. Остается надежда на доброкачественность, но она такая слабая.

Лиля ободряюще улыбнулась:

— Уверена, все будет хорошо. Зря ты вмешала сюда Дениса, мужчины ко всему относятся легкомысленно. Может быть, анализы уже пришли на его почту, а он не видел. Забегался, замотался... Заболтался с молодыми медсестрами.

Вика покачала головой:

— Этого не может быть. Он знает, как я волнуюсь. Да, я попросила прислать результаты на его имейл, потому что ужасная трусиха. По мне, лучше оттянуть неприятный момент, чем сразу кинуться в прорубь с головой. Это особенность моего характера, понимаешь? Муж всегда смеялся: мол, лучше ужасный конец, чем бесконечный ужас.

— Ты всегда была странная, — хихикнула подруга и придвинула к ней круассан, — а теперь послушай моего совета: выпей сок, съешь пирожное, и сразу станет легче. Ты всегда любила круассаны с молочным кремом.

— Не могу. — Женщина в который раз оттолкнула от себя тарелку, и увидев расстроенное лицо Лили, смягчилась. — Ладно, сок выпью. А круас-

сан ешь сама, если хочешь. Мне кусок в горло не лезет.

— Вот и молодец. — Лиля посмотрела на подружку, люблюсь ею.

Густые смоляные волосы Вики были подстрижены под каре, и эта прическа делала ее похожей на Мирей Матье. Умное тонкое лицо, строгий взгляд — все выдавало в ней женщину из хорошей интеллигентной семьи. Про таких еще говорят: «В них чувствуется порода». Правда, про родословную Вика никогда не распространялась, бог весть, каких она была кровей, подруга не удивилась бы, если бы и дворянских. А насчет образованности и интеллигентности — в самую точку: папа — офицер, мама — учительница. Отец Вики, полковник запаса, помог дочери с зятем Денисом приобрести клинику, видать, когда-то хорошо зарабатывал.

Лиля немного завидовала подружке, у которой все получалось в жизни: и поступление в медицинститут, и создание семьи с самым красивым, умным и перспективным студентом. Ходили слухи, что ее папа-полковник за клинику выложил не последние деньги, остались у него финансы — и немалые, что у Вики огромное наследство, добытое всякими дедушками-бабушками не совсем честным путем, и Лиля этим слухам верила. Слухи никогда не рождались на пустом месте. Кроме того, она не раз бывала в родительской квартире подружки и поражалась и диковинным вещам, скромно стоявшим в шкафу за стеклом, и люстрам, способным украсить даже Большой театр, и картинам на стенах — наверняка подлинникам.